

Шимус ХИНИ
Лауреат Нобелевской премии
(Ирландия)

Одессек

Памяти Иосифа Бродского

Помнишь, Йозеф, под какой
ритм метрической стопой
Оден шел затакт и в такт,
провожая Йейтса так.

Оттого-то в этот день,
где мелькнула Йейтса тень,
(дважды смерть о той поре —
двадцать восемь, в январе)

в тот же путь иду опять
в стопах горе измерять.
Шаг, катрен, за шагом шаг,
как и следует в стихах.

Так — хорей, хорей, удар —
метры меряет беда.
Повторение — закон,
вызубрен со школы он.

Также в мире и в поэте —
повторенье хлада смерти.
Леденеет летный путь
в Дублине, и стынет грудь.

У Горация нет од,
чтоб разрушить этот лед.
Ни топор и ни катрен
не разрубят этот плен.

Лед с архангельскими бликами
месяца двуликого.

Лед, как в Дантовом аду,
сердце вымерзло во льду.

Водку с перцем ты привез
в Массачусетс в злой мороз.
Сердце мне согрел и дух
перед общим чтеньем вслух.

Водка с перцем или без,
виски, аквавит, шартрез
не вернут крови щекам,
цвета шуткам и стихам.

Каламбур на грани фола —
шутки с сектой, секс-и-колой.
Вопреки всему всерьез
пил, курил, как паровоз.

Паровоз идет на Запад
по Финляндии. Азартно
хлещем рифмой — сто на сто,
словно картою — о стол.

Лясы точим. По жаре
направляясь в Темпере.
(Словно Ленин, в свой черед,
только — задом наперед.)

Не вернуть тех дней, увы,
запрокинутой главы —
точно с крыши разум съехал
вспышкой разума и смеха.

Каламбуров не вернуть,
как и спешки в стихо-путь.
Стансов странствием гоним,
ты к вершинам шел по ним.

Носом вверх, стою в пол,
ты английский так завел,
как авто угнал бы ас
(с русским баком про запас).

Обожаемый язык
к смертной пыли не привык:
как ни верил ты словам,
тленный плен тебя сковал.

Земляные пироги
на пиру у мертвых — гимн
Гильгамешу — и завет
Одена: вкуси, поэт.

Электрический свет

Воск свечи застывал с разводами сажи от фитиля...
Сбитый ноготь большого пальца
с поверхностью выщербленного жемчуга

был в древних кварцевых морщинах.
Я впервые увидел электрический свет
в доме, где она сидела в шлепанцах на меху,

год-вздох, год-выдох, на том же стуле,
шептала голосом, громче которого был лишь шепот.
В ту ночь мы оба отчаялись, когда меня

оставили там, и я плакал и плакал
под одеждой, под напрасно горячей лампой
в спальне всю ночь. "Боже, ну что,

что болит у тебя, дитя?" Срочные
давние дальние боли, страшнее
пещерных вод. Ее беспомощность не помогла.

* * *

Возвращенье хрипа, дуновенье шепелявых согласных.
Всплески между судном и доком, куда,
animula, я со временем возвращаюсь живым,

с поворотом и плеском парама вниз по озеру Белфаст
к до краев застекленному транспорту поездов,
к самой сути "Вот — ты — где — где — ты?"

поэзии. Спины домов подобны ее спине.
Скотобойни и прессы во дворах, выходящих
к полустанкам морской Британии,

золотые поля пшеницы.
Я приехал в Саутворк, выйдя из пасти туннеля
на солнечный свет, где дышала Темза.

* * *

Если встать на стул с выгнутой спинкой, я мог дотянуться
до выключателя, мне разрешали, за мной наблюдали.
Касанием крошечной кнопки включить волшебство.

Повернуть их ручку без проводов, чтоб зажегся свет
на шкале. Мне разрешали, за мной наблюдали,
как я вольные волны ловил на всех станциях мира.

А потом все ушло. Завершились новости
И Биг Бен. Отключили радиосеть,
за исключением — тишина, кроме

тиканья спиц для вязанья и ветра
в дымоходе. Она сидела в шлепанцах на меху,
над нами сиял электрический свет, я боялся

грязного кремнеобразного излома ее ногтя.
Жесткий, блестящий, он, наверно, все еще там
среди бусин и позвонков в земле Лондондерри.

Из сумки

Из сумки Дока Керлина мы все.
Он приезжал с ней, исчезал в дверях
и появлялся снова, чтоб помыть

носатые пузатые свои
в тазу ладони. Открывалась нам
(цвет ушка спаниэля изнутри)

изнанкою зияющего рта
пустая сумка. Доктор, как факир,
разматывал нас, прятал инструмент,

перевязав и обернув его,
как фартуком, назад, в ее нутро;
затем он с пухлой сумкою в руках

в дверь уплывал ковчегом, спрятав киль...
До следующего раза, и опять
входил, укутан в мех воротника,

ссутулившись. Стерильный запах спирта,
голландский блеск сатиновой подкладки
его жилета, блики на пинцете.

И было важно приготовить воду —
Не кипяток, и не едва живую,
но дождевую, для него специально:

"Спасибо вам" — "Ну что вы, вам спасибо",
он быстро, жестко руки вытирал
и подставлял их резко под пальто

верблюжье с мягким шелком изнутри.
Однажды взгляд гиперборейских глаз
на мне остановился, точно две

замочных скважины, куда я всякий раз
смотрел, когда он был у нас. Фарфор,
лед с молоком и зябкой белизны

блестящий кафель, сталь крючков и хром
стерильных инструментов, на полу
в опилках — кровь густеющая. Вверх

смотреть — и вот уже младенца части
являются на свет: вот ножки, ручки,
лодыжки, локти, пальчики и пенис,

как розовый бутончик в бутоньерке.

II

Poeta doctus Петр Леви сказал:
святилища Асклепия (они же
асклепионы) были как больницы

в Элладе. Или Лурдские часовни,
как говорит poeta doctus Грейвс.
Я говорю, поэзией леченье.

Так в Эпидавре я внезапно понял,
что место это — тот же санаторий
с гимназиумом, ванными, театром,

площадка инкубации техничной
и ритуальной, означавшей сон,
когда случалось вам богоявление...

Бесшляпый, шаткий, собственную тенью
я с жертвенником шел по площадям —
то было в Лурде в '56.

И я едва не потерял сознание
от дыма и жары, потом еще раз,
когда нагнулся за пучком травы

и ясно вдруг увидел: доктор Керлин
стоит у запотевшего стекла
на кухне, достает огромным пальцем

мужчин с малюткой органа внизу
и женщин с точками грудей. Всем роздан
сосисочный набор из рук и ног,

и эти вскоре начинают бегать.
Потом их опускают в воду с пеной,
и чудо: крошка собран по частям,

в стерильных мыльных он плывет ладонях.
И я туда попал, слепой от пота,
дрожащий на безветренном свету.

III

Пучки травы сорвал я и отправил
тому, кто шел на химиотерапию,
но и тому, кто все уже прошел.

Я не хотел оттуда уходить.
Пол-день, пол-мая и дотуристический
свет солнца во владеньях Бога.

И там, где храм Асклепия стоял,
мне просто очень захотелось лечь,
в траву зарыться, чтобы посетила

меня при самом ярком свете дня
Хигея, дочь его, чье имя значит
небесный свет, каким она была.

IV

Та комната, откуда вышел я
и все мы, остается так реальна.
Я в ней стою один, она все спит

в принесенных для Дока простынях —
подарки к свадьбе, как они обычно
нужны при родах и похоронах.

Я здесь, где инкубация, у койки,
в нее вперяюсь взглядом, появляюсь —
она то смежит веки, то откроет,

то поплывет с далекою улыбкой.
И я вхожу в сии владенья взора,
чтобы помочь или услышать шепот

с триумфом пополам: "Ну, что ты скажешь
о милой крошке, что принес нам доктор,
всем нам, пока я здесь спала?"

Посещение больного

Помазанник и прочая, отец
напоминал мне Феликса Рандала
у Хопкинса.

Затем он вырос
до "маленького в собственной одежде"
(как сам же говорил) —

реликт и призрак —
он призрачное нечто снял с себя,
ту часть, что так давно пустила корни
в нортумбрианство. Скованный теперь,
лет в восемнадцать с посохом бродил
по улицам Гексхэма он, имея
задачу: тело дяди привезти
домой паромом для скота.

Сперва — возница духов. Рулевой.

Ни одного из сбитых двух сандалий.

Твид цвета кизяка и бычьей крови кожа.

* * *

Глаза асессора и счетчик в голове
всей сволочи — кто, где, в каком году...
Прошло и это. И предосторожность.
То приоткрытой, то прикрытой щелью
двери его улыбка. Слабый свет.
За что мы скажем морфию спасибо.

Люпины

Они стояли. Так стоят за что-то.
Стояли, не сгибаясь. Там, на месте.
Наверняка. Почти бесповоротно.
Цветы ночей и зорь розовоперстых.

Сперва пакет лазурно-голубых
семян с их легким нервным ощущением:
люпинов стрелки с эротизмом в них,
глубокое земли приобретение.

О башенки пастельные, стручки
и конусы отстаивавших лето
растений, выдущенные полки.
И как-то выше пониманья это.

Перевод с английского
Людмилы ХЕРСОНСКОЙ

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Алена ЯВОРСКАЯ
Ах, Александр Сердцевич... .216

Валентин МАКСИМЕНКО
Достоинство таланта228

Александр КНЯЗИК
Философия и фантазия237

Татьяна БАСАНЕЦ
"Самоубийцы"239

Феликс КОХРИХТ
Юрий Кузнецов: "Мне есть кем
поделиться с одесситами"246
